

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 5 (1108).

Суббота, 2 декабря 1944 г.

Цена 45 коп.

Под знаменем Сталинской Конституции

Восемь лет назад, с трибуны Чрезвычайного VIII Всесоюзного Съезда Советов товарищ Сталин сказал:

«...новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы».

В человеческой истории мало найдется периодов, наполненных такими бурными и грандиозными драматическими событиями, как эти восемь лет. Десятки народов на нескольких континентах были ввергнуты в пламя войны и постали перед неизбежностью решить свою часть, перед вопросом «быть или не быть». Государства, обладавшие всеми наружными признаками устойчивости и силы, разрушались под ударами войны, как под ударами волн разламывалась и гибнет лепрочный корабль.

Но самому суровому испытанию подверглась наша страна. В поход против СССР была двинута армия, которую готовили для завоевания мира, была двинута экономическая мощь не только Германии, но и всех захвативших ее государств, насчитывавших более 300 миллионов населения.

Прошло сорок месяцев войны. Величественный корабль нашей Родины под всеми парусами идет к полной победе.

Исполнилось то, что говорил товарищ Сталин: «Социализм и демократия непобедимы».

Источники силы нашего государства лежат в самой природе советского социалистического строя.

«Уроки войны говорят о том, что советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны, годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время» (Сталин).

Советский строй, как в зеркале, отразился в гениальных тонах языка форума Стalinской Конституции.

Стalinская Конституция — сама сущность нашей жизни, основанная на свободе и социальной справедливости.

Стalinская Конституция зафиксировала те законы равенства и братства, по которым живут и развиваются народы Советского Союза.

Она зачехатила черты нового общественно-экономического уклада, который является вершиной всего, достигнутого народами в их тысячелетнем развитии.

«От самых древних времен до наших дней лучшие умы человечества, — говорят однажды тов. Калинин, — искали те идеальные формы организации хозяйства, которые бы загадывали и эксплуатировали трудящихся. Мы нашли эти идеальные формы и впервые в истории положили их в основу хозяйственной жизни нашей страны».

Стalinская Конституция — основной закон такого общества, которое «состоит из единакового блестательного завершения всех предыдущих форм человеческой культуры, где нет угнетения одних людей фанатизмом, избавившим для себя идеологию рабства и ненависти, порабощения и разрыва, — взяли верх благородные идеи, начертанные на плененных страницах Stalinской Конституции.

Слава нашей советской отчизне!

Слава Stalinской Конституции!

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении писателя Яшко Н. Н. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в области художественной литературы, в связи с 60-летием со дня рождения, наградить писателя Яшко Николаевича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин.

Москва, Кремль. 25 ноября 1944 г.

Всесоюзное совещание о народном творчестве

Сегодня в Москве заканчивается Всесоюзное совещание директоров республиканских и областных домов народного творчества.

Заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР А. Соловьев, открывший совещание, и докладчики — начальники отдела художественной самодеятельности Комитета О. Малахова и директор Всесоюзного дома народного творчества Л. Егоричев — рассказали об огромном тяге трудающих советских республик к самодеятельности искусства, которое и в грозные дни Отечественной войны продолжало расти и развиваться.

Быстро возрождается народное творчество в районах, освобожденных от немецкой оккупации. С интересом прослушали участники совещания сообщение директора Украинского дома народного творчества В. Константинова.

— Немецкие захватчики, — сказал он, — разграбили и уничтожили все имущество Домов народного творчества, разогнали коллективы художественной самодеятельности, как порой под бомбкой и артиллерийским обстрелом различились новые советские произведения. Сейчас композиторы Аладов, Соколовский, Богатырев, Ефимов, Пустынников, песни на слова белорусских поэтов. Уже начали появляться народные творческие коллективы, их самоиздательство начало развиваться, народное творчество всей всей Украине. Сейчас работают 11 тысяч коллектива, объединяющие 150 тысяч

Прибытие в Москву делегации польской интеллигенции

29 ноября, из городов, освобожденной Польши в Москву прибыла делегация польской интеллигенции, насчитывающей 52 человека, — выдающиеся представители польской литературы — председатель Союза польских писателей поэт Юлиан Пшибор, писатели Елена Богушевская и Юрий Корсакин, поэт Мечислав Ястрон, лауреат премии «Молодых» Польской Академии писателей поэт Станислав Пентак, сатирик Януш Минкевич, поэт Беньковский.

Научную общественность Польши в Ленинграде представляют ректор Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской проф. Рафаэль Стравинский, Мурчинский, Вассовский, художник Юрий Заруба, архитекторы Польской Республики Садловский и Люхерт; в делегации — представители печати. (ТАСС).

АЛЬМАНАХ ТУРКМЕНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В Туркменгосиздате выпущен на русском языке литературный альманах «Батан».

Обем альманаха — 27 печатных листов. В нем представлено преимущественно произведения современных туркменских писателей, поэтов, народных шахирок и драматургов. Кроме того, помещены избранные произведения классиков, отрывки из старины, драматических и романов, сказки и пословицы туркменского народа.

Нужно ли говорить, какие захватывающие возможности открываются перед советским художником, разделенным со своей страной великой судьбой? Разве не вправе мы рассчитывать, что и в «творчестве сердца» будут совершенены величайшие подвиги?

Какого истинного художника, с душой и талантом, не увлечет, не вдохновит на творчество богатырской поступи нашего народа, эпическая мощь советской эпохи. Кто из нас не повторит вслед за Маяковским:

Я
планы наших
любо громадье,
размака
шаги сажести.
Я радуюсь
марину,
которым ядём
в работу
и в сраженья.

Но не только в грандиозных военных победах, не только в преобразовании природы и росте хозяйства проявляется и проявляется животворная сила нашего строя. Каждодневно и ежечасно растет он и воспитывает нового человека, вселился в душу его понятия чести, благородной энергии, любви к добру и правде, сыновней любви в отчизне и непримиримую ненависть к врагам нашего народа. Благородная задача советского писателя — пристальным вниманием следить, как расцветает и совершенствуется человек, и самому, влиять на него, не вскользь взглянув на него, на то, что в нем заложено для развития! Какое счастье для гражданина и художника — увидеть и изобразить то явление неповторимой красоты, которое мгновенным светом вдруг освещает душу юноши-холдинга Юрия Смирнова или новосибирского слесаря Александра Покрышкина и которое мы называем словом подвиг!

В нашей стране дело литературы — общественное, государственное дело, в котором заинтересованы широчайшие массы, и этим определяются не только права, но и обязанности советского писателя.

Наш народ во главе с борьбой против мирового зла, и этим определяются не только интересы всего, достигнутого народом в мире — ее задачи.

«Совесть мира» называл английский писатель советскую литературу.

Мы выправляем с уверенностью говорить о нашем искусстве, что ему предстоит великий будущее.

Мы отмечаем день Stalinской Конституции — настакнане блестательного завершения победы нашего правого дела. Гитлеровцы понесли кручинейшее военное поражение, и в недалеком будущем их ждет полный разгром.

Не одну лишь военную, но и морально-политическую победу одержал наш советский строй. Победы именем Ленина — Сталина. В смертельной борьбе с немецким фашизмом, избавившим для себя идеологию рабства и ненависти, порабощения и разрыва, — взяли верх благородные идеи, начертанные на плененных страницах Stalinской Конституции.

Слава нашей советской отчизне!

Слава Stalinской Конституции!

ВЕЧЕР В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Вчера московская писательская общественность собралась в своем клубе на вечер, посвященный памяти Сергея Мироновича Кирова.

С докладом о великом трибуце выступил генерал-майор И. Фомиченко.

Н. Тихонов, А. Сурков, Л. Ошанин читали свои произведения, посвященные тов. Кирову.

Вечер закончился концертом, в котором принял участие Н. Боголюбов, Е. Иванов, Я. Финер и квартет М. Бетховена в составе Д. Пыганова, В. Ширинского, С. Ширинского и В. Борисовского.

СОЗДАНИЕ СЕКЦИИ ДРАМАТИУРГОВ

30 ноября в Московском клубе писателей состоялось собрание драматургов, кинесценаристов и критиков, посвященное образование секции драматургов Союза писателей.

В борьбе драматики избраны: О. Леонидов, О. Литовский, Г. Миданин, Н. Погодин (председатель), Б. Романов (зам. председателя), В. Соловьев, К. Тренев, А. Файко и В. Шваркин.

ПЬЕСА А. КОРНЕЙЧУКА В ТЕАТРЕ САТИРИ

В начале декабря Московский театр сатиры покажет премьеру новой пьесы А. Корнейчука «Миссия мистера Перкина в страну большевиков». Ставят спектакль Е. Красинский, художник — А. Уткин, композитор — Я. Чайковский.

Беседа с нашим сотрудником главный режиссер театра Э. Красинский рассказала:

— Написанная в легкой комедийной форме, новая пьеса А. Корнейчука «Миссия мистера Перкина в страну большевиков» является, по существу, злободневной политической сатирикой. Задача театра состоит в том, чтобы в яркой, простой сценической форме передать политическое содержание пьесы. Над осуществлением этой задачи работал исполнительский коллектив в лице заслуженных артистов РСФСР: П. Поля, В. Хенкина, артистов И. Любенской, А. Лепко, Л. Кузмичевой, Т. Беляевой, А. Плотникова и др.

Желая показать зрителю этот спектакль возможно скорее, театр подготовил его в очень сжатые сроки.

А. ОБОРИН Н. ЛЯШКО

Советские читатели, знающие и любящие Н. Ляшко, с большим удовольствием встретили высокую награду, которой правительство отметило многолетнюю и плодотворную литературную деятельность писателя.

Н. Ляшко начал формироваться как писатель в годы, предшествовавшие революции 1905 года, в период бурного подъема рабочего класса России. Первые его рассказы были опубликованы в 1904 году, в пропагандистских изданиях.

В 1906 году, в пропагандистских изданиях, были опубликованы первые рассказы Н. Ляшко, написанные в 1904 году.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной. Внутренне он постоянно был подготовлен к борьбе за родину, и война не застала его врасплох.

А. Оборин — один из первых писателей, кто начал писать в 1904 году, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед страной.

С тех пор эти рассказы, в то время токарь по металлу, с юных лет узел труда на капиталистической фабрике, очень рано стал писателем перед

ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН

«Перед лицом растущей военной опасности мы должны вопросам обороны уделять самое серьезное, самое пристальное внимание...» — вновь и вновь напоминал партийному акту Киров, говоря во время одного из последних своих выступлений об угрозе фашистской агрессии, о «самом прямолинейном и откровенном из наших врагов» — Гитлере, мечтающем «...скромно» отхватить Украину вместе с Черноморием и Прибалтикой. И тогда же Киров давал уничтожающий анализ фашистской идеологии:

«Что такое фашизм? Это открытая, совершившаяся ничем не замаскированная, террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наименее империалистических элементов финансового капитала... Германский фашизм подбирает всякие отбросы и подонки общества, лишь бы эти элементы были готовы разрезать и громить рабочий класс...»

Фашизм пытается подвести под свою программу некоторый «теоретический» фундамент. Ценность этого «теоретического» фундамента рабочий класс нашей страны знает особенно хорошо, ибо германский фашизм с его погромной идеологией, с его антисемитизмом, с его рассуждениями о высших и низших расах, по кругу своих идей весьма сродни организму русской черной сотни, партии Михаила Архангела, и хорошо нам знакомы.

И то, что германские фашисты сейчас выходят и с парфюмом по радио всему миру рассказывают о преимуществах ярикской расы — это по существу старо. Мы только забыли об этом...

Сопоставляя положение «нас и у них», напомнила «...об ярийцах», которые борьбу против науки, за средневековое мракобесие сделали своим знамением», иллюстрируя свою мысль десятками ярких примеров, Киров с законной гордостью указывал, что «...только Советский Союз является подлинным носителем культуры и прогресса». Говоря об успехах социалистического строительства, он предлагал взять за примера искусство и литературу: «Смотрите, какой бурный расцвет имелось мы в этих отраслях. Писатели, музыканты, художники, композиторы все активнее включаются в общее дело борьбы рабочего класса. Растут новые таланты из среды рабочей колхозной молодежи, которые при другом общественном строе были бы раздавлены и обречены на гибель. Серьезные успехи достигли и наши театры, как в художественном, так и в идеологическом отношении...»

Племянный большевик, великий гражданин Киров любил искусство, литературу, музыку слова и музыку мысли, позитив жизни, борьбы и природы отрывисто и горячо. Имена Белинского и Добролюбова, Лермонтова и Толстого, Пушкина и Гоголя, которых было много в Сорренто большое письмо «Об истоках мировой литературы» с просьбой возглавить редакцию.

27 января 1936 года по решению ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР был опубликован исторический документ — Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории, сделанные в начале августа 1934 года.

Значение этих замечаний для советского историка — и в том числе, разумеется, историка литературы — огромно. Товарищи Сталин и его соратники подчеркивают в замечаниях, что «нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР», резко критикуя концепт, представленный одной из групп, которая «выполнила задания и даже не поняла смысла задания. Она составила конспект русской истории, а не истории ССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которых мы называем разными...»

«Наши партийные организации не должны смотреть на хозяйственников как на «хозяев». У нас сейчас как игрушечное бросается слово: «Здорово, хозяин! Как дела?» Он хозяин, но, а мы? Это никаку не годится. Мы все хозяева, только у нас значения разные...»

Кирову до всего было дело. «По-хозяйски» относиться ко всему, что было новым в любой отрасли хозяйственной или культурной работы, техники, науки, искусства, Киров активно вмешивался в жизнь, стараясь ускорить рождение нового, «встряхнуть эту старую землю».

— Вы думаете, что наша задача состоит только в том, чтобы смотреть готовые картины? Нет, нам нужно помочь им появиться, тогда они станут появляться чаще, тогда их будет больше! — говорил Киров, ставя на один из заседаний Ленинградского горкома партии вопрос о работе ленинградской кинофабрики, и под руководством Кирова же ленинградская кинофабрика проделала успешный путь от «Встречного», вдохновленного мыслью Кирова, к «Чапаеву».

Киров читает «Политическую целину» и тотчас же рекомендует эту книгу партийным, советским работникам. А одновременно дает указание ленинградскому отделению Госиздата выпустить «Подпись целину» стотысячным тиражом, подготовить новый мыслью тираж первой книги «Петра Первого» А. Толстого.

Радуясь преображению Севера, одухотворенному к новой жизни энергии советских людей, Киров призывает «все наши просвещенные организации, начиная с Академии наук, всех практических работников вспомнить мудрые советы Ломоносова: «К действительности глазами и руками прощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае». И одновременно ставит на секретариате Ленинградского обкома вопрос о создании «Истории Северного края», такой книги, которая бы не только живописно описала сделанное, но и заражала людей пафосом открытия и освоения новых земель, пафосом поединка с природой.

«Нет еще такой книги, которая описала бы все достижения, которые мы имеем!» — не раз с горючностью указывал Киров и неустанно обращал внимание писателей на тему родного края, литераторы которого не имеют права вести себя, как транзитные пассажиры. — Не будьте «Иванами, не помнящими родства!» Пишите о нашем городе, о нашей области! Ведь у вас, под руки — неупотребимое богатство тем, образов, людей — сумеете их увидеть, подойти, рассказать о них другим! Право же, не просчитаетесь!

Киров знал великую силу искусства — оружия в борьбе и радовался тому размаху, который приобретало искусство в нашей стране.

Михаил Чумандри, возвращаясь из заграничной поездки, рассказывал Сергею Мироновичу о германских встречах, в частности о посещении знаменитой Дрезденской художественной галереи, в обширных залах которой он за несколько часов встретил всея скопления посетителей.

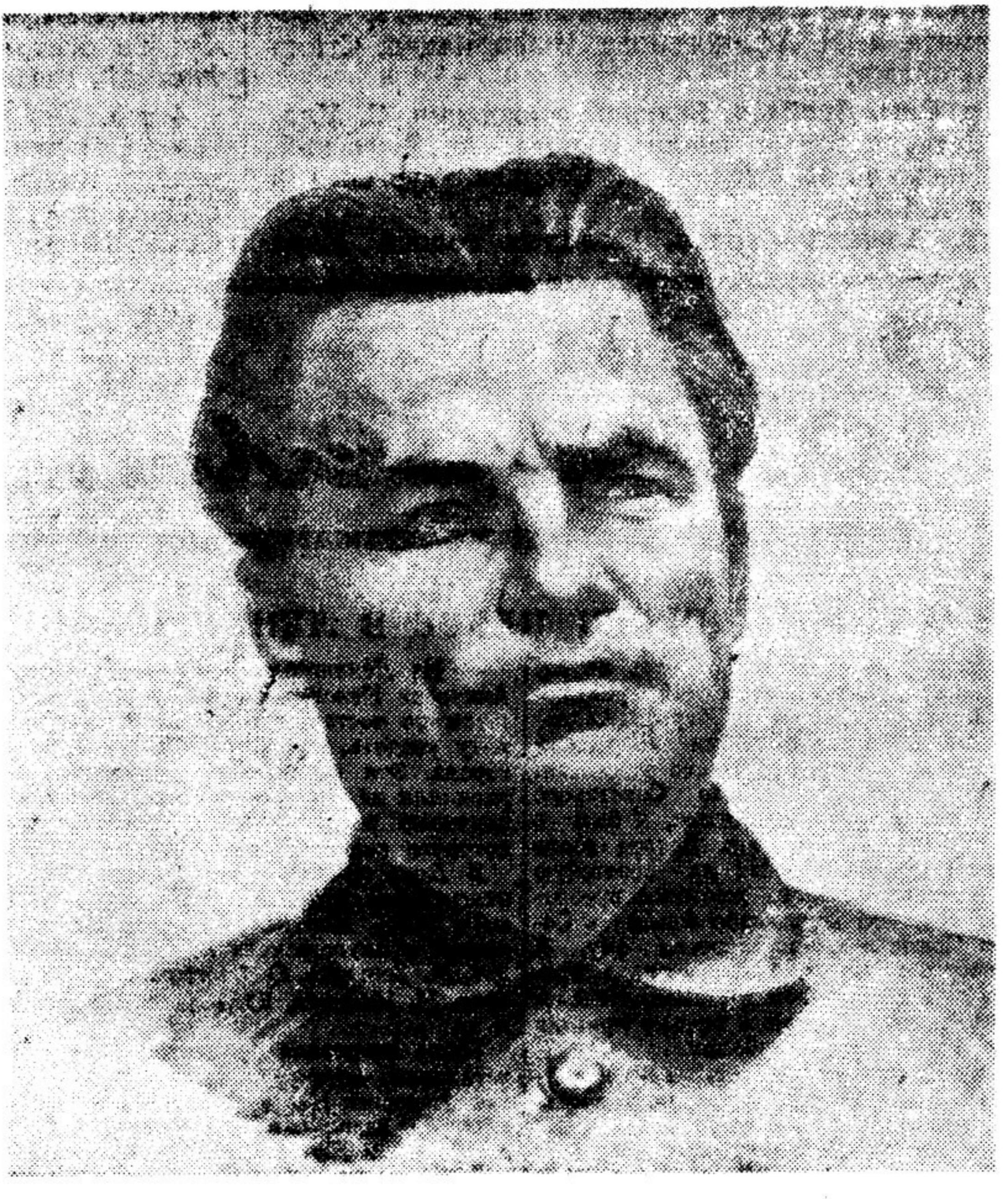
— А Синтийскую мадонну видел?

— Видел. Тоже пусть в зале...

Киров вздохнул: — Эх, к нам бы ее не перенесли! Да у нас бы люди с ногами очредились, только бы посмотреть...

Воспитанный на лучших образцах русской классической литературы, Киров особенно внимал широкому, массовому распространению произведений классиков. В связи с приближением столетия со дня смерти Пушкина он, несмотря на сотни волнистых других дел, из дня в день следил за подготовкой ленинградских издательств, театров к юбилейной дате, наставлял на увеличении триптиха, доставил немало горьких минут издательским работникам, заметив в книге однотомника «Печатный двор» — преступную небрежность к памяти поэта и неуважение к памяти...

Так же было и в дни подготовки к толстовскому юбилею. Киров требовал от типографии «Печатный двор», где печаталось коголевское собрание сочинений Гоголя, чтобы ему систематически сообщали о

С. М. Киров.

ходе подготовки томов издания к выпуску — подобно тому, как Путиловский (ныне Кировский) завод давал ему сводки о выпуске тракторов.

— Это ваши трактора, трактора культурного фронта!

Киров был одним из инициаторов создания многотомной истории литературы народов Советского Союза, работу над которой вел Институт литературы Академии наук. Ленинградские литераторы обсуждали с Кировым и Горьким первые планы издания, впоследствии — после беседы с Кировым — направили Горькому в Сорренто большое письмо «Об истоках мировой литературы» с просьбой возглавить редакцию.

27 января 1936 года по решению ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР был опубликован исторический документ — Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории, сделанные в начале августа 1934 года.

Значение этих замечаний для советского историка — и в том числе, разумеется, историка литературы — огромно. Товарищи Сталин и его соратники подчеркивают в замечаниях, что «нам нужен такой учебник истории ССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов ССР», резко критикуя концепт, представленный одной из групп, которая «выполнила задания и даже не поняла смысла задания. Она составила конспект русской истории, а не истории ССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которых мы называем разными...»

«Наши партийные организации не должны смотреть на хозяйственников как на «хозяев». У нас сейчас как игрушечное бросается слово: «Здорово, хозяин! Как дела?» Он хозяин, но, а мы? Это никаку не годится. Мы все хозяева, только у нас значения разные...»

Киров был уверен, что «если мы будем смотреть на хозяйственников как на «хозяев». У нас сейчас как игрушечное бросается слово: «Здорово, хозяин! Как дела?» Он хозяин, но, а мы? Это никаку не годится. Мы все хозяева, только у нас значения разные...»

Киров читает «Политическую целину» и тотчас же рекомендует эту книгу партийным, советским работникам. А одновременно дает указание ленинградскому отделению Госиздата выпустить «Подпись целину» стотысячным тиражом, подготовить новый мыслью тираж первой книги «Петра Первого» А. Толстого.

Радуясь преображению Севера, одухотворенному к новой жизни энергии советских людей, Киров призывает «все наши просвещенные организации, начиная с Академии наук, всех практических работников вспомнить мудрые советы Ломоносова: «К действительности глазами и руками прощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае». И одновременно ставит на секретариате Ленинградского обкома вопрос о создании «Истории Северного края», такой книги, которая бы не только живописно описала сделанное, но и заражала людей пафосом открытия и освоения новых земель, пафосом поединка с природой.

«Нет еще такой книги, которая описала бы все достижения, которые мы имеем!» — не раз с горючностью указывал Киров и неустанно обращал внимание писателей на тему родного края, литераторы которого не имеют права вести себя, как транзитные пассажиры. — Не будьте «Иванами, не помнящими родства!» Пишите о нашем городе, о нашей области! Ведь у вас, под руки — неупотребимое богатство тем, образов, людей — сумеете их увидеть, подойти, рассказать о них другим! Право же, не просчитаетесь!

Киров знал великую силу искусства — оружия в борьбе и радовался тому размаху, который приобретало искусство в нашей стране.

Михаил Чумандри, возвращаясь из заграничной поездки, рассказывал Сергею Мироновичу о германских встречах, в частности о посещении знаменитой Дрезденской художественной галереи, в обширных залах которой он за несколько часов встретил всея скопления посетителей.

— А Синтийскую мадонну видел?

— Видел. Тоже пусть в зале...

Киров вздохнул: — Эх, к нам бы ее не перенесли! Да у нас бы люди с ногами очредились, только бы посмотреть...

Воспитанный на лучших образцах русской классической литературы, Киров особенно внимал широкому, массовому распространению произведений классиков. В связи с приближением столетия со дня смерти Пушкина он, несмотря на сотни волнистых других дел, из дня в день следил за подготовкой ленинградских издательств, театров к юбилейной дате, наставлял на увеличении триптиха, доставил немало горьких минут издательским работникам, заметив в книге однотомника «Печатный двор» — преступную небрежность к памяти поэта и неуважение к памяти...

Так же было и в дни подготовки к толстовскому юбилею. Киров требовал от типографии «Печатный двор», где печаталось коголевское собрание сочинений Гоголя, чтобы ему систематически сообщали о

С. М. Киров.

ходе подготовки томов издания к выпуску — подобно тому, как Путиловский (ныне Кировский) завод давал ему сводки о выпуске тракторов.

— Это ваши тракторы, трактора культурного фронта!

Киров был одним из инициаторов создания многотомной истории литературы народов Советского Союза, работу над которой вел Институт литературы Академии наук. Ленинградские литераторы обсуждали с Кировым и Горьким первые планы издания, впоследствии — после беседы с Кировым — направили Горькому в Сорренто большое письмо «Об истоках мировой литературы» с просьбой возглавить редакцию.

27 января 1936 года по решению ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР был опубликован исторический документ — Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории, сделанные в начале августа 1934 года.

Значение этих замечаний для советского историка — и в том числе, разумеется, историка литературы — огромно. Товарищи Сталин и его соратники подчеркивают в замечаниях, что «нам нужен такой учебник истории ССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов ССР», резко критикуя концепт, представленный одной из групп, которая «выполнила задания и даже не поняла смысла задания. Она составила конспект русской истории, а не истории ССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которых мы называем разными...»

«Наши партийные организации не должны смотреть на хозяйственников как на «хозяев». У нас сейчас как игрушечное бросается слово: «Здорово, хозяин! Как дела?» Он хозяин, но, а мы? Это никаку не годится. Мы все хозяева, только у нас значения разные...»

Киров читает «Политическую целину» и тотчас же рекомендует эту книгу партийным, советским работникам. А одновременно дает указание ленинградскому отделению Госиздата выпустить «Подпись целину» стотысячным тиражом, подготовить новый мыслью тираж первой книги «Петра Первого» А. Толстого.

Радуясь преображению Севера, одухотворенному к новой жизни энергии советских людей, Киров призывает «все наши просвещенные организации, начиная с Академии наук, всех практических работников вспомнить мудрые советы Ломоносова: «К действительности глазами и руками прощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае». И одновременно ставит на секретариате Ленинградского обкома вопрос о создании «Истории Северного края», такой книги, которая бы не только живописно описала сделанное, но и заражала людей пафосом открытия и освоения новых земель, пафосом поединка с природой.

«Нет еще такой книги, которая описала бы все достижения, которые мы имеем!» — не раз с горючностью указывал Киров и неустанно обращал внимание писателей на тему родного края, литераторы которого не имеют права вести себя, как транзитные пассажиры. — Не будьте «Иванами, не помнящими родства!» Пишите о нашем городе, о нашей области! Ведь у вас, под руки — неупотребимое богатство тем, образов, людей — сумеете их увидеть, подойти, рассказать о них другим! Право же, не просчитаетесь!

Киров знал великую силу искусства — оружия в борьбе и радовался тому размаху, который приобретало искусство в нашей стране.

Михаил Чумандри, возвращаясь из заграничной поездки, рассказывал Сергею Мироновичу о германских встречах, в частности о посещении знаменитой Дрезденской художественной галереи, в обширных залах которой он за несколько часов встретил всея скопления посетителей.

— А Синтийскую мадонну видел?

— Видел. Тоже пусть в зале...

Киров вздохнул: — Эх, к нам бы ее не перенесли! Да у нас бы люди с ногами очредились, только бы посмотреть...

Воспитанный на лучших образцах русской классической литературы, Киров особенно внимал широкому, массовому распространению произведений классиков. В связи с приближением столетия со дня смерти Пушкина он, несмотря на сотни волнистых других дел, из дня в день следил за подготовкой ленинградских издательств, театров к юбилейной дате, наставлял на увеличении триптиха, доставил немало горьких минут издательским работникам, заметив в книге однотомника «Печатный двор» — преступную небрежность к памяти поэта и неуважение к памяти...

Так же было и в дни подготовки к толстовскому юбилею. Киров требовал от типографии «Печатный двор», где печаталось коголевское собрание сочинений Гоголя, чтобы ему систематически сообщали о

меньшими колотили. Дорога еще теплая была. Всегда было ходить по ней, — плятия гремели. Этот человек в макинтоше пошел на нас, засмеялся и говорит:

— Ну что, девочки, приятно по ровной дорожке ходить?

А мы говорим: — Еще бы! И ходить хорошо, а бегать еще лучше!

И вдруг какой-то маленьчика закричал своей матери: — Смотри, мама, Киров!

Только Киров уже прошел, и мы не успели как следует на него поглядеть. А дома дали нам свои пионерские памятки. Там в конце его портфеля был См. Смотри!

Мальчик видел Кирова не раз — то на слете, то на демонстрации, то во время праздника в честь окончания учебного года.

Союзные члены

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое...
Пушкин

С фронта в адрес издательств, редакций газет и журналов, в адрес известных советских поэтов приходят конверты и традиционные фронтовые «преугольники». Они содержат в себе написанные на клонах бумаги, на различновидных в клетку листах ученических тетрадей стихи, песни, поэмы, подписаные красноармейцами, сержантами, лейтенантами, помеченные обратными адресами номерных полевых постов.

Таких фронтовых посылок накопилось по издательствам и редакциям множество.

Как правило, большинство таких поэтических посылок в издательствах и редакциях попадает в руки так называемых литеатурных консультантов. Эти «специалисты» ходячими глазами пробегают по взрывованным, часто еще неуместно написанным строкам красноармейских стихов и пишут стандартные, стереотипные ответы: «Пригласил вам стихи искренние и актуальные, но несовершенные по форме. Советует вам не торопиться с посылкой стихов в редакцию, а серьезно заняться литературным самообразованием. Читайте больше хороших поэтов».

Иногда случается, что какой-нибудь неугомонный начиняющий поэт, пославший свою стихию в три разных редакции, получает сразу три ответа, как близнецы от строчки до строчки похожие одна на другую. Можете представить себе самовыявление автора-фронтовика, получившего подобные ответы. И можете представить те слова, которые, по горячке, приветствовал он «супругу» отношение к себе попечительных редакций представляющих их ликвидационные «империи».

Горько. Ведь в лице авторов этих фронтовых литературных посылок стоят сущности, которые, как правило, представляют собой литературу слабые взрывованные отклики солдатского сердца на потрясения все человеческие чувства войны. Верно, что большинство стихов, отмеченных печатью литературной одобрости их авторов, еще сырьи, неровны, недоработаны. Но среди этого полводья фронтовой поэзии, как блеск благородного металла в грудах грубой серой породы, попадаются отдельные строфы, отдельные строки, отдельные стихи — сильные и волнующие.

Запали мне в память слышанные в дни Орловской битвы коротенькие стихи пожилого красноармейца, бывшего учителя из под Борисова А. Славята:

Когда наш писарь подковой
Возьмёт мой список трупов
И отпишет его в письме,
Ты над конвентом слез не лей.
А изорви его скорей.
Покойный в жизни несет был
И черных красок не любил.

Эти строчки нельзя было не запомнить. В них, как солнце в маленькой капле утренней росы, отразилась простая, неувядающая, немого озорная душа советского солдата, прямо глядящего в глаза

жестокой прозе своего фронтового существования.

Это коротенькое стихотворение я нашел в большой пачке написанных Сибирским стихом. Остальные были безличны, обыкновенны, типичны для поэтического «самотека».

Сколько таких стихотворений, затерянных в больших пачках подражаний плохим газетным образцам, заваляется в архивах редакций и издательств! А ведь в таких стихотворениях — замки завтрашнего дня нашей поэзии. Мы не смеем, не имеем права хоронить их редакционными архивами. Свесы нынешнего года я, по поручению издательства «Молодая гвардия», работал над составлением маленькой книжечки стихов, напишающих фронтовых поэтов. Через мое руки прошло великое множество стихов из фронтового самотека. Многие из авторов впервые обращались в издательства. Другие уже печатали свои произведения в дивизионных, армейских фронтовых газетах. Едининам постепенно началась напечатанность в Москве. Подавляющее большинство написанного не выходило за границу человеческих документов — наивных, литературно неуклюжих откликов солдатского сердца на то, что волнует людей переднего края. Но постепенно из бесформенной груды самотека обрисовалась сборник. Авторы представленных в нем стихов — солдаты и офицеры Великой Отечественной войны, и не только у каждого из них — молодость, прокаленная на огнях великих сражений. Общность судьбы родит их, разных по складу таланта, темпераменту, манере письма, и сплавит их голоса в одну песню — любви и невинности, сиропом фронтовой песни — живой гла.

Однако случается, что какой-нибудь

участник великого дела, молодые армейские поэты прямо и смело ставят так называемые «вечные» вопросы, волнующие окончаний людей:

Мы научились жизни дорожить,
Мы на войне живы каждой жизнью любим.
Нам на войне необходимо жить,
И горы жечь, как горы вечно для дам.
Враги ее спанчата, как сначала.
Для пехотинца надо быть живым.

Так мы живем. И мы тому не верьте.
Бою и в песнях в речах вдохнове:
Мы лучше солдаты, мы лучше солдаты.
Мы лучше солдаты.

Так пишет Григорий Горский. Пере克莱кается с ним, сандр Марк Соболь в стихотворении «Атака», отечевая на мысли о трагедиях солдатского существования, говорят:

Тысячи? Ни слова об этом. Молчанье.
Горечь сладка, как дыхание поплыни.
Сплющимуть нуть наши. Его окончанье —
Путь победы, и только в Берлине.

Верой в жизнь, мужественной любовью
Жизнь звучит каждая строка, написанная
молодыми поэтами-фронтовиками. Кто любит
жизнь, тот не боится прямого взглянуть
на гла.

(В. Глотов).

Считая себя по праву душеприказчиками солдатского сердца, молодые поэты-фронтовики выражают в своих стихах все, чем живет боев, о чём он думает, что симпатизирует ему в троекратных снах

Венгерская война поставила под ружье миллионы советских людей. Отторванные от привычной жизни, они бесчисленными идями связаны со всем, что осталось в предвзятом дне — с родинами, близкими, друзьями, товарищами. Думы об оставленном за спиной, как о будущем, не покидают воющего советского человека. И не случайно в стихах молодых поэтов звучит настойчиво и сильно лирическое начало — дружбы, любви, воспоминания. И в лирических стихах их герой предстает таким же, как в стихах, воспевающих солдат, подвиг, гнев, ненависть. Восторженное начало — счастье, скорее, бесподобное расправляемое с врагом.

Счастлив мы с тобой не избалованы. — Так складывается, — поэты-фронтовики.

То, что я тогда, исподвольный
Где-то, где-то, где-то, где-то, где-то, где-то,

Идея, идея, идея, идея, идея, идея, идея,

Сказка о двух горбунах

Город мастеров* в Центральном детском театре

Был, говорят, на свете вольный Город мастеров, имевший на гербе своим Льва, Медведя и Зайца. Город славился ювелирами, часовщиками, оружейниками, граверами, золотоштамповщиками, пирожными. И жил в этом городе горбатый от природы, но веселый и прекрасный душой человек по имени Жильберт, профессии метельщик, по прозвищу Караколль, что значит — улитка. Чужеземцы завоевали город, и стал им править злой, отвратительный горбун, герцог де Маликорн. Он и его гнусный советник, Большой Гильом, обладавший волшебным мечом, своим несправедливым правлением и жадностью охвачены волчью кровью и они, взявши за оружие, освободили свой город от захватчиков. Злой горбун Герцог был убит, а добрые и веселые горбун Караколль, как было предсказано старой гадалкой Тафаро, обросли со своей спины горд и стал по красоте равным прекрасной Веронике, которая уже давно его любила.

Вот какая история произошла когда-то в вольном Городе мастеров. Возможно, что ничего этого не случалось и города такого на свете не было... Но писательница Т. Габбе рассказала обо всем этом, так интересно и занимительно, что маленькие зрители верят Караколлю, и Веронике, и Льву, и Медведю... Ненависть Герцога, преизительно хохоча над глупым «Клиник-Кляком», вспыхивает с места, готовясь всплыть в сказку, защитить Караколля.

Пьесу Т. Габбе «Город мастеров» («Сказка о двух горбунах») поставили в Центральном детском театре. Шедший на краски, поэтический, остроумный, скептический — хороший подарок нашей детворе.

Как уже видно из рассказанного выше, действие в пьесе происходит в давно минувшие дни. Т. Габбе использовала в своей работе мотивы старых фландинских сказок. Но мужественный и поэтический склад самой сказки, идеи трудового достоинства, торжество вооруженного добра, склонность, построенный на борьбе свободных тружеников с иноzemными узураторами, — все это близко мысли и чувствам, которые владят сегодня зрительным залом, заполнили его взрослые или школьники.

В сказке Т. Габбе нет дешевых, прозрачных интриг, которые примитивно и наизнанку расшифровываются путем подстановки под сказочные образы сегодняшних событий и злободневных персонажей. Идея скрыта и проступает в сказке, как радуга в хрустale, и зрителю сам обрашает все, что видит на сцене, темы гранячат с собой, в которых отражаются идеи, волнующие нас сегодня. Так и должна строиться сказка.

Фабула пьесы, опиравшаяся на старую сказку, построена занятно, с верными чувствами сцены. Габбе сумела найти эффективные положения, подлинно театральные картины, чтобы сказка приобрела на сцене поэтическую наглядность. Как хорошо сцена со шляпами, которые развесились на дереве Караколля, предложивший жителям отказаться от своих шляп, чтобы не снимать их перед наместником Герцогом. Сколько подлинной радости дарят зри-

Война и литература

Беседа с Лилян Хеллман

Лилян Хеллман, известная американская писательница, автор многих сценариев и пьес, сейчас находящаяся в Москве, в беседе с нашим сотрудником поделилась своими взглядами на американскую и советскую литературу, а также впечатлениями о поездке.

— В 1942 году я совсем было собралась ехать в Советский Союз. В кармане у меня уже лежали все необходимые документы. Вместе со мной должен был ехать Уэйлер, постоянный режиссер моих фильмов, так как мы предполагали снимать «Северную звезду» на одной из советских кинофабрик. Когда нам осталось только назначить день отъезда, Уэйлера призвали в армию. Я решила, что одной мне ехать нецелесообразно, и таким образом, поездка, жизненно необходимая для моей дальнейшей работы, была отложена на целых два года, и «Северную звезду» стали снимать на фабрике «Годзилла».

Пьеса называется «Город мастеров». Однако второе ее название — «Сказка о двух горбунах» — звучит вернее. Сила труда, могущество мастеров, обединенных трудом, который делает их неподъемными, служат лишь фоном для действия: его заслоняют другие темы пьесы. И это же. Темы вольного труда, мастерства, совершенства приобрели бы в детском театре большое воспитательное значение. Но спектакль даны зачатки такой темы, но она не разработана. И даже победа вольных мастеров над иноzemцами, владеющими сказочным мечом, достигается не потому, что оружейники города сумели привыкнуть к вольшебному мечу своих собственных, а потому, что мальчик случайно обезоруживает Гильома. Все это в некотором смысле оправдывает злую судьбу, которую мне ехать нецелесообразно.

Остается хорошо написанная история о двух горбунах. Один — человек кривой души, обремененный, как горбом, неуловимой злобой. Внутреннее безобразие его соединено с внешним уродством. Другой — прекрасный горбун. Физическое несовершенство его вовремя душевной красотой, величием сердца. Он — иносость добра. Все, что есть на свете хорошего, — труда, песни, лес, любовь, сама природа, — открыто для него. Зверь — его друг, и грозное их поглощение, немое свидетельство в великолепной сцене суда, спасает честью свою знаю только Маяковского. Это поистине великий поэт.

В театрах Америки сейчас с большими успехом идут русские пьесы: «Нашествие» Леонова, «Русские люди» Симонова, «Машенька» Абигенговна (под названием «Случай, профессор»). О «Чайке», «Трех сестрах», «Бийшевом саде» говорить нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

поистине великий поэт.

В театрах Америки сейчас с большими успехом идут русские пьесы: «Нашествие» Леонова, «Русские люди» Симонова, «Машенька» Абигенговна (под названием «Случай, профессор»). О «Чайке», «Трех сестрах», «Бийшевом саде» говорить нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большинство американцев, неизменно вспоминают превосходные военные статьи Е. Эренбурга. О современной советской поэзии мне, сожалению, сказать нечего. Она не переведена на английский язык. Хорошо я знаю только Маяковского. Это

легко в театре играть безобразное. Особенно в сказке, где симпатии зрителя сразу резко и прямолинейно разграничены, где все наглядно и красиво есть одна из определяющих признаков. Всегда за «Лихим Днем» я была называема «Петра I». А Толстого, Меня, да и большин